

... Воины-победители сначала побеждают и только затем вступают в бой, те же, кто терпят поражение, сначала вступают в битву, и только затем пытаются победить ...

– Наконец, оставался последний рывок, – здравствуйте, дорогие потомки. И да, мы продолжаем великий восточный поход, ставящий своей целью восстановление и расширение моей власти, как нового царя Сирии. В любом случае, осталось победить лишь царство Евтидема в Согдиане и Бактрии.

Собственно, именно этим я и занялся. И да, я бы хотел рассказать что-то интересное про захват Бактрии, но, увы, рассказывать особенно то и нечего – Евтидем выступил против меня с 10 000 конницы, однако я сумел при помощи хитрости переправить большую часть войска через реку, которую занял Евтидем.

Большая часть войска величиною в 70 000 человек, как вы понимаете, это многократно больше, чем 10 000 всадников, а потому не удивляйтесь, что я, переправив первым делом всю свою кавалерию, тоже величиной в 10 000 всадников, атаковал ночью бактрийцев, расположившихся на ночлег в 4 километрах от реки.

Как ни странно, мне удалось застать врасплох бактрийского царя и его войско, благодаря чему мне удалось перебить большую часть его армии, включая и самого Евтидема.

Разумеется, после этого мне снова пришлось поиграть с местной аристократией, чтобы привлечь некоторую её часть на свою сторону. Собственно, только благодаря этому я и сумел всего за полгода покорить Бактрию и Согдиану, непокорные дальние провинции. Наконец, великий восточный поход был окончен в 219 году до нашей эры.

Ну и, разумеется, далее я возвратился со своим войском обратно в Сирию, в Птолемаиду, в которой отдохнул и, собравшись со свежими силами, отправился на помощь своему македонскому наместнику к самому Пергаму, чтобы вместе с ним завершить столь длительную осаду Пергама.

Впрочем – осаждать мне её не пришлось. Мой наместник, ответственный за направление Пергама, успешно закончил войну, хитростью взяв истощённый войной город.

Разумеется, царь Пергама после этого на какие-либо дальнейшие свои перспективы рассчитывать не мог – да и не рассчитывал. Находясь в плену, он самоустранился из жизни, после чего я умертвил всю его семью в отместку за то, что он лишил меня удовольствия лично придушить его. Хотя, не то чтобы я собирался оставлять их в живых.

Ну и, конечно же, и эти территории были включены в состав моей империи, теперь простиравшейся от Македонии на западе до Бактрии и Согдианы на Востоке, от Софены на севере и до Верхнего Египта на юге. По сути, копия империи Александра Македонского в миниатюре.

Впрочем, я всё же надеялся, что она хотя бы избежит той участи, которая была уготована наследию великого царя. Ну и, разумеется, я не стоял столбом без дела.

Первым же делом я дипломатическими мерами принудил всех остальных царей Азии к формальному подчинению и союзу. В то же самое время, я активно развивал торговлю.

Во-первых, я принял активнейшее участие в создании Великого Шёлкового пути по маршруту через Бактрию.

Во-вторых, я, конечно же, принялся активно налаживать сношения, в первую очередь торговые, с империей Маурьев, приближавшейся к закату своей славы, но всё ещё бывшей выгодным торговым партнёром. Был создан как сухопутный путь через всё ту же Бактрию, так и морской путь – из Инда в Египет при помощи муссонов и из Инда в Месопотамию каботажом.

В-третьих, активизировалась торговля с арабами – сухопутная, через Набатею (вдоль западного побережья Аравии в направлении Александрии Египетской и Финикии) и Герру (вдоль восточного побережья Аравии в направлении Антиохии в Сузиане, теперь уже Птолемаиды в Сузиане, откуда по реке уже в Птолемаиду-на-Оронте). Ну, не считая каботажных маршрутов из устья Инда во всё ту же Птолемаиду в Сузиане.

Ну и, в-четвёртых, активизировалась морская торговля с Африкой. Правда, здесь имеется в виду не та Африка, которая Карфаген, а Восточная Африка. Если быть точнее, то морской каботажный путь вдоль западного побережья Красного моря вплоть до самого Пунта.

Тем более, что путь был полностью морским – порт Арсиной пользовался великой благодатью в лице восстановленного ещё моим дедом, Птолемеем II Филадельфом, Канала Фараонов.

Таким образом, теперь, когда на всём протяжении сухопутного пути и большей части морского пути были мои земли, а я прикладывал значительные усилия по борьбе с пиратством и дальнейшему развитию стабильных и регулярных торговых сношений с Индией, Аравией и Пунтом, торговый оборот рос не по дням, а по часам.

Фигурально, разумеется – всё это заняло очень много времени, особенно – борьба с пиратами, бандитами и прочим. Тем не менее, эффект сказался уже очень скоро – торговля оживилась и стала вскоре крепнуть, что, разумеется, положительно сказалось на моём политическом могуществе.

Теперь, когда я владел всей торговлей с Востоком, а значит и всей торговлей китайским шёлком, индийскими пряностями и драгоценными камнями, арабскими конями и благовониями, эфиопскими мехами, слоновой костью и рабами, моё богатство было безгранично.

И это, к слову, не преувеличение – моя казна буквально была забита деньгами, и теперь любая моя прихоть была бы исполнена в миг – как говорится, имея деньги, скажи желаемое и оно

сбудется.

Ну, а так как доходы резко увеличились, я сумел приступить к самому обширному строительству дорог, почтовых станций и прочим инфраструктурным объектам по всей своей империи. Тем более, что это отвечало интересам торговли.

Разумеется, я также приступил к организации регулярной армии – теперь я мог позволить себе круглогодично содержать не только 2 000 гетайров и 2 000 гипаспистов, входящих в мою гвардию, но и гораздо более крупные отряды.

Теперь я мог круглогодично содержать, тренировать и держать в полной боеготовности полевую армию из 30 000 пехотинцев и 10 000 всадников.

Расквартирована она была в Сирии, куда постепенно смещался административный и финансовый центр империи, и была под моим непосредственным командованием.

Однако, разумеется, это были не все военные контингенты. Выше речь идёт о полевой армии – то есть, о корпусе регулярных войск, которые можно было бы охарактеризовать, как цвет имперской армии.

Естественно, были силы, ответственные за непосредственную защиту границы и сдерживание противника до прихода полевой армии – «пограничные корпуса». Всего было 9 пограничных корпусов – фракийский, иллирийский, киренский, египетский, кавказский, согдианский, бактрийский, иудейский и месопотамский.

В сущности, это были регулярные пограничные войска, которым была поручена защита границ империи. В совокупности каждый из корпусов представлял собой ряд небольших, регулярных и частично автономных отрядов, объединённых под единым командованием.

Децентрализация локального командования при централизации высшего командования позволяла им, действуя в соответствии с принятой военной стратегией или, в крайнем случае, в обход оной, предпринимать решительные действия против врага.

Сделано это было для достижения более высокой оперативности этих отрядов, однако сие обстоятельство не означало, что они могли делать всё, что им вздумается – это означало лишь то, что условный командир условного пограничного отряда мог выдвинуться против условного вражеского отряда, вторгнувшегося в пределы империи, без получения непосредственного приказа свыше.

Естественно, действовать ему надлежало в соответствии с ранее предпринятой стратегией обороны, так что, по сути, это был опосредованный приказ, принимаемый всеми командирами как действительный в случае возникновения плановой ситуации и принимаемый «к сведению» в случае военной необходимости.

Впрочем, касалось это только одной категории отрядов – сил активной обороны, то есть, отрядов кавалерии, где оперативность действий действительно была важна, а потому – всячески приветствовалась, пока это было в пределах разумного.

Всего же было три категории отрядов – отряды активной обороны, упомянутые ранее, отряды пассивной обороны и отряды резерва. Вторые представляли собой, по сути, гарнизоны, ответственные за сдерживание противника в рамках системы фортификаций.

Третьи же представляли собой, собственно, резерв пограничных сил, который находился под непосредственным управлением стратега, то есть, командующего пограничным корпусом, и мог быть применён для непосредственной военной поддержки одного из многих звеньев пограничной обороны.

Стратег, в свою очередь, подчинялся напрямую мне, главнокомандующему армией – архистратегу, а также зависел в вопросах материального и информационного обеспечения от подчинённой мне структуре – военного управления, отвечавшего за набор солдат, своевременную их доставку в части, а также за регулярное снабжение последних.

Ну, а также ведало имуществом армии, отвечало за правосудие в армейских частях, организацию производства всего необходимого для них и так далее по списку – при желании можно было бы назвать ещё с десятков, если не больше, задач военного управления.

И да, кому интересно, в моей прошлой жизни ближайшим аналогом военного управления было бы министерство обороны, которое отвечало, в сути, за те же задачи, только в других масштабах.

Таким образом, местная военная и местная гражданская администрация никак не были связаны между собой, существовали параллельно друг другу и не были способны повлиять друг на друга.

Как не трудно догадаться, это было необходимо для недопущения сращения военного и административного аппарата империи, так как это было чревато чрезмерным усилением сепаратистских настроений и политической нестабильностью в целом.

В любом случае, подобных отрядов было много, а в совокупности их численность достигала порядка 90 000 пехотинцев и 18 000 кавалерии. По крайней мере, такова была их списочная численность, которая, к сожалению, никогда не была истинной для любого из подразделений, коих всего было всего 108 (речь идёт об основной тактической и административно-хозяйственной единице) в 9 пограничных корпусах.

В силу разных причин, сводящихся, по сути, к временному или полному выбытию солдата из строя, действительная численность пограничных сил, естественно, могла колебаться в разных пределах, однако приведённые выше цифры можно было считать адекватными для принятия во внимание.

Ну и, конечно же, примерно подобная же структура была во флоте – у него были свои, морские, пограничные корпуса. Всего их было 9, из них 2 являлись речными – дунайский и нильский флоты, а остальные 7 являлись морскими – иллирийский, греческий, понтийский, эритрейский, персидский, киренский и гирканский флоты.

Правда, здесь силами активной обороны выступали морские эскадры, а силами пассивной обороны – гарнизоны береговых фортификаций. Резервом же – такие же морские эскадры, только под командованием наварха – аналога стратега, но уже на флоте.

Конечно же, была здесь и своя «полевая армия». Вернее, даже 2 – средиземный флот, находившийся под командованием главнокомандующего флотом, архинаварха, и его заместителя – самого старшего наварха, а также эритрейский флот, находившийся под командованием следующих по старшинству навархов.

И да, чтобы развеять любые домыслы – архинавархом был я. Таким образом, я был, пускай и лишь формально, главнокомандующим флотом, но фактически средиземный флот управлялся моим заместителем. Им, к слову, являлся Софрон Эфесский.

Ну и, как многие могли уже догадаться, был, помимо главнокомандующего флотом и главнокомандующего армией, главнокомандующий вооружёнными силами – тоже я.

Первые два, к слову, подчинялись последнему, как самому высокому военному чину. И да, все три титула предполагались, как царские – то есть, никто, кроме самого царя, эти должности занимать не мог.

Что касается численности флотов, то здесь всё просто. Всего на все «морские пограничные корпуса» приходилось 200 лёгких кораблей, предназначенных, главным образом, для борьбы с пиратами и прочими морскими разбойниками.

В распоряжении средиземного флота, также базировавшегося в Сирии, находилось, в свою очередь, 200 тяжёлых боевых кораблей, а в распоряжении эритрейского флота, базировавшегося в Сузиане, находилось 60 тяжёлых, боевых кораблей.

Таким образом, общая численность моего флота равнялась 460 кораблям, из которых 260 были тяжёлыми боевыми кораблями, предназначенными для борьбы с другими тяжёлыми боевыми кораблями.

Собственно, вот и всё по поводу численности войска...